

МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ КЪ БЫЛИНАМЪ¹).

VIII.

ВЛАДИМИРЪ-БОГАТЫРЬ.

Въ китайской реляціи о посольствѣ Николая Спаѳари въ Китай, изданной и переведенной недавно А. О. Ивановским²), приводится грамота царя Алексѣя Михайловича, изъ которой мы извлекаемъ слѣдующія подробности о Владимирѣ. «Отъ потомковъ моего главнаго предка», пишетъ царь, — «за 1600 слишкомъ лѣтъ до нынѣ правившаго вообще всѣми государствами У-кус-то-сы-сэр (цесаря Августа), затѣмъ отъ слѣдующихъ предковъ Рурику, Оладимиро Си-вэй-я-дос-ла-вэ-юнь-цзо (Владимира Святославовича), Си-ри-іо (?), И-фа-но

1) См. *Журналь Мин. Нар. Просв.*, майскую кн. за 1888 года.

2) Китайская реляція о посольствѣ Николая Спаѳари въ Китай.

Маньчжурскій текстъ въ переводѣ А. О. Иванова, съ предисловіемъ Сырку (оттискъ изъ *Записокъ восточн. отд. Имп. Русск. Археол. Общества*, т. II 1887—III 1888, стр. 14, 15 перевода).

Ва-си-ли-и-и-ви-чо и его сына Сар (царя)
Дэ-одоро И-фа-но-вэй-сы (цы)
преемственно до моего отца Михаил Дэ-
ото-ро-вэй-сы (Михаила Θεодоровича), мои
предки и отецъ были весьма сильны во
всѣхъ государствахъ, и Ула-ди-ми-ро Се-
фу-ла-ди-дцо (Владимиръ Святославичъ)
прославился подъ именемъ богатыря и
храбреца (батурманга) въ государствѣ Хэ-
рэ-си-я (Греція)».

Интересна перегласовка имени Владимира:
Оладими́ро, или Уладими́ро (сл. Olīmaruэ
Саксона Грамматика), тогда какъ для
названія Владимира-города транскрипція
другая: Фуладамэра, въ вариантахъ:
Фудоламэра, что можно бы написать
Воладиміръ, Валадиміръ. Владимиръ
названъ богатыремъ и храбрецомъ;
принадлежитъ ли это представленіе
официальной реторикѣ царской грамоты,
или отражаетъ дѣйствительно-пѣсенное
преданіе, дожившее до XVII вѣка и лишь
впослѣдствіи исказившееся въ постоянномъ
оборотѣ и переходахъ пѣсни, знающей
теперь Владимира лишь какъ собирателя

богатырей, слушающаго ихъ похвальбу во полу-столѣ, но лично не дѣятельнаго? Когда о немъ говорится далѣе, что его слава дошла до Греціи, то разумѣются, вѣроятно, историческія отношенія, но получается просвѣтъ и на прозвище Ильи въ Тидрексагѣ: Илья греческій.

IX.

Кіевскія пещеры.

При бѣдности хронологическихъ данныхъ для исторіи былиннаго эпоса, указаніе на Владимира-богатыря изъ 1675—1676 гг. не лишено такого же интереса, какъ и показаніе Сарницкаго о «*bohaticos, id ist semideos*», въ кіевскихъ пещерахъ. Соотвѣтствующій отрывокъ, процитованный проф. Дашкевичемъ на половину, я могу сообщить, благодаря любезности Вл. Вл. Каллаша, по рѣдкому изданію: *Sarnicius, Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione eiusdem veteri et nova (s. I. 1585 г.): Kiovia sedes antiqua Ducum Russiae. Et quod olim Romani de septentrionalibus et*

Indianis monstris et miraculis sparserunt, hoc Russi de prodigiis et heroibus suis; quos Bohatiros, id est semideos vocant, aliis persuadere conantur. Contumulare autem istos solent in cavernis rupium, quas in immensum tanquam cuniculos subterraneos usque Novogradiam magnam fabulantur exstendi. Illud tamen pro concesso est, et instar miraculi habetur apud peregrinos, qui se eo conferunt, quod a monachis monstrantur istic corpora Principum incorrupta, quae per longa spacia temporum loci temperamentum quoddam absque ullo detrimento conservat. Incolae id ad religionem referunt et loci sanctitati acceptum tribuunt.

Богатыри-semidei объясняются какъ святостью пещеръ, такъ и ложною этимологіей (богъ); о какихъ бы то ни было пѣсняхъ, воспѣвавшихъ багатырскіе подвиги, не говорится вовсе: старый эпосъ сталъ уже пещернымъ, когда раздался эпосъ думъ, первое по времени упоминаніе

о которыхъ мы встрѣчаемъ подъ 1506 годомъ у того же Сарницкаго¹⁾).

Представленію что кievскія пещеры тянутся до Новгорода, отвѣчаютъ не менѣе баснословныя, приводимыя Гербиніемъ¹⁾. *Primum quidem ferunt, Cryptas kijovienses subter Borysthenem suos producere fornices. Ita enim Florus Polonicus Noribergae A. C. 1666 ab auctore Indifferente germanice editus ait: Sonst soll von hinnen ein Gang unter der Erden biz nach Smolensko und zwar unter dem Nipper oder Dniester — Strohm durchgehen und mit lauter gegossenem Metall inwendig gefüttert seyn, woraus die alte vorige Herrlichkeit dieses Orts abzunehmen, und wird der Bau solches hochkostbahren verborgenen Ganges den Italienern zugeschrieben. Fröhlichius berichtet, daz die Länge desselben auf 80 römische Meilen sich*

¹⁾ *Annalium Polonic. libri VII, 1506 г., стр. 1198, въ Joh. Dlugoss Historiae Poloniae libri XII. Francofurti. 1711, т. II. Соответствующій текстъ приведенъ г. Житецкимъ въ его Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго на рѣчія, стр. 289, прим. 1.*

¹⁾ *Religiosae Kijovinses cryptcae sive Kijovia subterranea, in quibus labyrinthus sub terra, et in eo emortua a sexcentis annis Divorum atque Heroum Graeco-Ruthenorum et nec dum corrupta corpora ex nomine atque ad oculum e Patericy~ Slavonice detegit M. Johannes Herbinius. Ienae. 1675, стр. 31—2, 75.*

erstrecke. Darüber man billig möchte vor Verwunderung erstaunen, zumahlen, weil eine russische Meil noch etwas grösser weder unsere teutsche. Гербиній устраняетъ это мнѣніе, какъ и другое, державшееся въ народномъ повѣрѣѣ, будто кіевскія крипты соединялись съ черниговскими и даже съ Pieczorienses въ Московіи²⁾; устраняются и италіанцы, какъ устроители пещеръ, и предположеніе: fuisse scilicet Kijoviam Trojam veterem, quae, ob raptam a Paride Helenam Menelai Spartanorum regis uxorem, a Graecis olim per deceunium obsessa, tandemque expugnata ac penitus excisa est. Cui fabulae istud accedit commentum, in crypta Kijoviensi gigantea Hectoris, Priami, Achillis et aliorum tum Trojanorum, tum Graecorum heroum corpora a tanto jam tempore incorrupta spectari³⁾ . Gigantea corpora невольню напоминають мнѣніе

2) См. стр. 75: Quartani (sc. cryptam) celebriorem oppidum Moscoviae Pieczora, a crypta quam conitinet, sic dictum inque ipsis Livoniadinibus situni os-tciitat. Разумеется Псково-Печерскій монастырь. Сл. Повѣсть о началѣ Печерскаго монастыря №, предлѣжащаго близъ Ливонскіе земли, у А. Θ. Бычкова, Описаніе слав. и русск. рукописи, сборниковъ Имп. публ. библіотеки, № XXV (§6) и XL (§ 10); ркп. Толст. Отд. I, 306.

3) L. с. 8.

тѣхъ, которые представляли Илью Муромца исполиномъ, вторымъ Полифемомъ, тогда какъ, по измѣренію Кальнофойскаго, богатырь, котораго ему показывали въ кievской криптѣ, оказался *longus pedes romanos sex et septimi pedis czesci dwie et media*⁴⁾ . Замѣтимъ, что о *gigantea corpora* Гербиній не говоритъ далѣе ни слова; судя по надписанію, его десятая глава должна была заключать въ себѣ перечень «*patrum et heroum in Cryptis dormientium*»¹⁾; но въ слѣдующемъ перечнѣ нѣтъ «героевъ», если въ стомъ имени мы будемъ искать богатырей. Очевидно, не они имѣлись въ виду, а согласно съ заглавіемъ книги (*divorum atque heroum*), подвижники, герои христіанства.

⁴⁾ Teratourgema 1638 г., стр. 70.

¹⁾ L. с. 79; сл. 81—83.

X.

Былина объ Иванѣ Годиновичѣ и разказъ
изъ житія Іосифа Волоцкаго.

Иванъ Годиновичъ ѣдетъ свататься и увлекаетъ невѣсту (Авдотья Лебедь-бѣлья, Марья, Настасья), уже просватанную за другаго — по однимъ вариантамъ, съ ея согласія, по другимъ — насильно. На обратномъ пути ихъ нагоняетъ прежній женихъ и вступааетъ съ Иваномъ въ бой. Иванъ Годиновичъ одолѣлъ противника, ударилъ его о сыру землю, сѣлъ ему на бѣлы груди, просить жену подать ему кинжаль, чтобы покончить съ «татариномъ», Коцегомъ Трипетовичемъ, царищемъ Коцерищемъ, а тотъ въ свою очередь взмолился къ Настасѣ:

Ай же ты Настасья Митріевична!
Не подай ножища-кинжалшца:
Какъ за имъ вѣдь будешь жить,
Будешь слыть бабой
простомывная,

Будешь старому малому
кланяться;
А за мной вѣдь будешь жить,
Будешь слыть царицей
вѣковѣчной,
Будеть старый вѣдь малый тѣ
кланяться.

(Гильф. 916; сл. Кирша, стр. 98).

Соблазнилась этими рѣчами Настасья, схватила Ивана за желты кудри, сбила его о сыру землю. Привязавъ его къ дубу, Кощерище съ Настасьей свалились въ бѣль-шатерь. Въ это время прилетѣли три голубя, корятъ «сводницу», «душегубницу»; либо черный воронъ вѣщаетъ, что не владѣть Марьей (=Настасьей) Кощею, а владѣть Ивану. Эта рѣчь «татарину» не слюбилася; онъ стрѣляетъ въ голубей (въ ворона), но стрѣла ударила ему въ «татарскія груди, вырвала сердце съ печенью». Иванъ казнить невѣрную жену.

Въ южно-русской пѣснѣ (Kolberg, Rokucie II, 17) положеніе нѣсколько измѣнено: Иванъ идетъ съ женой своею Марьей

пахать, по дорогѣ турчинъ предлагаетъ ему продать жену или рѣшить боемъ, чья она будетъ. Въ слѣдующей схваткѣ Иванъ проситъ Марью помочь ему; о такой же просьбѣ противника нѣтъ рѣчи: сама Марья раздумалась:

«За Иваномъ бидуваты

За турчиномъ пануваты».

Связали они Ивана, привязали къ коню; Иванъ взмолился къ турчину, обѣщаетъ быть ему слугою:

Попусты мы били руки,

Най не терплю кыжки муки.

Не догадался турчинъ, развязалъ ему руки. По дорогѣ два дуба, на нихъ два голубя; Иванъ проситъ турчина дать ему лукъ: одного голубя онъ убьетъ для него, другаго для его пани, а своей жены. Одной стрѣлой онъ убиваетъ противника, другой жену.

Аналогія сербскихъ пѣсень: Вукъ II, № 44 и Filipovic, Kralevic Marko, № XXII — и названіе противника «турчиномъ» повели г.

Халанскаго¹⁾ къ предположенію, что великорусская былина объ Иванѣ Годиновичѣ есть не туземное сказаніе, а «передѣлка юго-славянской пѣсни того же мотива», при чемъ «естественными посредниками въ устной передачѣ мотива были малоруссы». Въ такомъ случаѣ названіе Кощея «татаринѣмъ» было бы великорусскимъ подновленіемъ. Замѣтимъ, что рядомъ съ устнымъ переходомъ юго-славянскаго пѣсеннаго сюжета г. Халанскій допускаетъ и литературный, сравнивая циклъ былинъ о женѣ измѣнницѣ съ повѣстью Пахомія Логовета «о убіеніи злочестиваго царя Батыя», собственно съ тою ея частью, гдѣ говорится о бѣгствѣ съ Батыемъ сестры Владислава, измѣнѣ ея брату и убійствѣ измѣнницы вмѣстѣ съ врагомъ. Въ этой версіи «турчинъ» не при чемъ, врагъ является «татаринѣмъ»; турчинъ сербскихъ пѣсень, можетъ быть, — мѣстное подновленіе; южно-русская пѣсня объ Иванѣ и Марьѣ стоитъ съ своимъ

1) Халанскій, Великорусскія былины Кіевского цикла, стр. 115 слѣд.; 125—126.

турчиномъ одиноко, рядомъ съ показаніями аналогической русской былины.

Въ слѣдующей русской повѣсти²⁾ положеніе ближе къ былинному, чѣмъ у Логовета; врагъ—татаринъ, вместо сестры является невѣрная жена, и вводится мотивъ, неизвѣстный нашимъ былинамъ, но знакомый сербской пѣснѣ у Вука II, № 44, давно уже привлеченной къ сравненію съ цикломъ объ Иванѣ Годиновичѣ.

Вотъ содержаніе пѣсни: въ отсутствіи Бановича Страхины турчинъ Влах-Алија уводитъ его жену. Страхиня отправляется за нимъ въ погоню, на Косовомъ полѣ вступаетъ съ нимъ въ бой. Утомленный, онъ проситъ жену: пусть возьметъ осколокъ сабли,

Удри, льубо, мене, ја турчина,
Мисли, льубо, кога теби драго.

А турчинъ соблазняетъ ее, сулитъ любовь и богатство: пусть поразитъ Страхинью.

²⁾ Ркп. Син. библ. № 927, XVI вѣкъ: Черныца Васііііана Фатеева, бывшаго архимандрита Вотмицкаго монастыря Тверскаго уѣзда письмо о житіе въ кратцѣ преподобнаго игумена Юснѳа Волоцкаго, л. 41 лиц.—42 лиц.

«Женску страну ласно преварити»! Жена ударила мужа прямо въ лобъ, такъ что кровь стала застилать ему глаза. Видя неминуемую гибель, Страхиня зоветъ на помощь вѣрнаго пса Карамана; тотъ схватилъ измѣнницу за горло и вмѣстѣ съ нею скатился кубаремъ въ долину. Стало турчину жалко любви, засмотрѣлся во слѣдъ, а Страхиня тѣмъ временемъ изловчился, наскочилъ на турка, ударилъ его оземь и заѣлъ до смерти зубами. Съ женой онъ возвращается домой; въ вариантѣ Божишича (Срп. нар. п., стр. 104) его шурья убиваютъ свою сестру за измѣну мужу¹⁾.

Сл. съ этимъ русскую легенду:

«37» «В то же врем“ оу некоего война плениша жену, 'н же взем^м с собою одинаг^о пса да секиру поиде въ слѣдъ ихъ; 'ниже прїидоша в некое село бол“ръское людемъ выбежавши^м и 'брѣтоша множество пити“, и многога ради зно“ упившес“ ~ѣло и спаху яко мртви. Войнъ же секирою поѣсѣче всѣмъ главы и влѣзъ въ едину ѣ клетей и видѣ жену свою со кн“земь и лежащу на

1) Халанскій, I. с. 115 – 116.

УУДРѢ такоже 'ТО многого пиянства сп"щу.
'наже видѣвши мужа возбуди варвара, 'нже
въставъ и нача битис" с муже е" и одолѣвъ
ему сѣд"ше на не^М. и наченъ имати ножь,
хот" заклати его; песь же е^М, видѣвъ
господина своего хот"ща заклана быти,
вземъ варвара усты за виденіе и за главу
совлече его со господина своего, 'нже
въставъ уби варвара и взе жену свою,
новую Далиду, £иде и сотвори ей елико
восхотѣ. — 'ле бѣсованіа женьскаго и
звѣрей явис" злѣиши; сей оубо избави
господина своего £ смерти, жена же
предаде его на смерть. Изъ начала оубо вс"
зла" роду члвческому быша жены ради:
САдамъ жены ради изъ ра" йспаде и того
ради весь родъ чл^вчъ тлѣнїемъ и см^ртїю
осуженъ бысть; Соломонъ премудрый же
ради 'ть бога страненъ бысть, тако^ж и
Самсонъ великій 'сщенный 'ть чрева
женою преданъ бысть ИПОПЛЕМ"НИКОМЪ и
'слеплень, и оудалис""ть Бога. Не точию въ
древнемъ, но и въ новѣй благодати не въ
мире СУЩИИ токмо, но п иноци и
пустынскїи прибытокъ лобызавше жень

рода погибоша и иночески трудъ погубиша, и изъ начала и до сего часа врагъ женами прельщаетъ р'дъ члвчський. СЕлици побѣдиша таковыи искусъ, яко^ж прекрасный И'сиѡъ, и сего ради в всѣ вѣки похвал'емъ есть; аще послѣди и жену имѣ, а девѣство до конца. Въ ветхомъ мали зѣло сохраниша, а Енелиже 'тъ Дѣвы израсте цвѣтъ жи.пш, Господь нашъ Исусъ, Христось, Етуле множество безчислено сохраниша и сохран'ють подвигъ дѣвѣственныи паче песка морьскаго, не точію иноци, но и в мире сущіи, и бракъ презирають и дѣвѣственный подвигъ подвижающес' и до кончины живота въ славу Богу, ему слава нынѣ и присно и во вѣки вокомъ. Аминь».

ХІ.

Жидовинь-богатырь.

Мнѣ дважды приходилось коснуться этого «unicum» нашего былинного эпоса¹⁾, въ которомъ я предположилъ и далекую этническую основу, и наслоеніе легенды. Этническая основа, допущенная уже Хомяковымъ²⁾, — это заглохшая память о древнихъ насильникахъ, еврействующиыхъ хазарахъ. Правда, Михаило Казарянинъ, то-есть, хазарянинъ (Кир. IV, стр. 91 слѣд. = Кирша), не отождествляется въ нашихъ былинахъ съ Жидовиномъ (I. с., I, стр. 46 слѣд.=IV, стр. 6 слѣд.), являющимся въ роли нахвальщика, татарина, Збута и Бориса другихъ пѣсенъ; но это, быть можетъ, позднѣйшая дифференціація, не исключаяющая болѣе древняго тожества. Г. Халанскій³⁾ склоненъ принять второй изъ высказанныхъ мною взглядовъ, который я выразилъ въ дополненіе къ первому, не устраняя его: по

1) Разысканія въ области русск. духовн. стиха I, 3; Южно-русск. былины, вып. II, 288.

2) Сочиненія, I, 467.

3) I. с., стр. 177—178.

его мнѣнію, жидовинъ въ значеніи врага, вѣроятно, явился впервые въ книжно-народныхъ сказаніяхъ. Хазарскую гипотезу онъ считаетъ невысказанною: «Большинство хазаръ мусульмане и христіане. И есть между ними идолопоклонники. И самый немногочисленный классъ у нихъ евреи. Царь ихъ исповѣдуетъ еврейскую религію» (Изв. Албекри о Руси и славянахъ, Куника и Розена I, 60). Въ лѣтописи Нестора хазары называются своимъ именемъ; упоминаются старцы «козарстіи». Въ разказѣ объ испытаніи вѣрѣ ясно различаются жида и козары: «жидове козарстіи придоша рекуще. Владимиръ рече: Гдѣ есть земля ваша? Они-же рѣша: въ Ерусалимѣ» (Лавр. л. 83). Нѣтъ никакихъ данныхъ утверждать, что козары были миссіонерами еврейства на Руси. Не было, стало быть, и основанія для древней Руси, нѣтъ ихъ и для насъ, отождествлять жидовъ и козаръ, землю жидовскую и козарскую, жидовина и козарина; тѣмъ болѣе, что въ былинѣ, не заключается ни одного упоминанія о козарахъ». —

Послѣднее не совсѣмъ вѣрно: былина начинается подъ Кіевомъ, обычный lapsus memoriae пѣвцовъ, но «на степяхъ на цицарскіхъ», то-есть, хазарскихъ. Замѣтимъ, что этотъ эпитетъ нигдѣ больше не встрѣчается.

Дополняя свои соображенія о жидовинѣ (стр. 229: см. стр. 27—28), г. Халанскій приводитъ сербскую пѣсню о встрѣчѣ Марка королевича съ исполинскою дѣвушкой джидовкей и болг. жидь=великанъ, гигантъ, что Миклошичъ прежде (*Die türkischen Elemente in den südöstl. u. osteurop. Sprachen*, I, 55) сравнивалъ съ турецк. dzinn= Damon, теперь (*Etym. Wb.*) оставляетъ безъ объясненія¹). «Несомнѣнно», говоритъ г. Халанскій, — «между сербскимъ и русскимъ сказаніями существуетъ родство. Источникъ его темень и кроется скорѣе всего въ книжныхъ сказаніяхъ, а никакъ не въ историческихъ связяхъ нашихъ предковъ съ хазарами».

¹) Г. Сырку сообщаетъ мнѣ, что болг. жидь, въ указанномъ значеніи, даетъ въ множ. житове.

Но именно на этой связи слѣдуетъ настоять, ибо трудно представить себѣ, какимъ образомъ изъ легенды вышло представленіе жидовина-нахвальщика, жидовки-исполинши и жида-деликана. Такъ, обыкновенно обобщаются въ народной памяти этническія имена: антовъ, волотовъ, обровъ, чуди; жидовъ и татаръ въ мѣстныхъ преданіяхъ Румыніи, чередующихся съ представленіемъ — великана (Urias)²). Вотъ нѣсколько относящихся сюда легендъ.

Въ Драгославской общинѣ, Дымбовицкой волости, въ Муцельскомъ округѣ есть пещера, высотой не болѣе двухъ метровъ, выходящая своимъ отверстіемъ на рѣку Дымбовицу. Здѣсь жили жида (Jidovi) исполины; объ одномъ изъ нихъ разказывается легенда, извѣстная и въ Германіи, и у насъ¹): увидѣвъ однажды крестьянина съ двумя работниками, пахавшаго плугомъ на двенадцати быкахъ,

²) См. *SSSSaineanu*, O pagina din istoria medievala II: Jidovii sail Tatarii sau Uriasii, Convorbiri literare, 1887, № 6, стр. 521 слѣд.

¹) L. c., 523—524. Сл. между прочимъ *Трусьвича*, Космогоническія преданія жителей Польска, *Кіевлянинъ* 1866, № 44, стр. 170.

оиъ изумился этому зрѣлищу, взявъ ихъ въ полу платья и принесъ къ подножію своей горы, но потомъ поставилъ на прежнее мѣстѣ. На горѣ Гимбавѣ (in reatra Ghimbavului) также жили жиды; какой-то юноша, влюбившись въ дочь одного гиганта той пещеры, задумалъ прокрасться къ ней тайкомъ, но отецъ его увидѣлъ и бросилъ въ него камнемъ въ двѣ тысячи окъ, и до сихъ поръ лежащимъ на вершинѣ горы Прислопа.

Извѣстны курганы или могилы, носящія названіе жидовскихъ; остатки старыхъ городищъ съ именемъ Jidova или Uriasa (=исполинское), о которыхъ разказывается, что они построены были жидами и татарами; говорятъ о незапамятномъ времени, что то было при жидяхъ, татарахъ или исполинахъ.

Первые совершенно вѣрно навели Saineanu на память о хазарахъ, занимавшихъ южную Россію, принявшихъ въ VIII вѣкѣ еврейство и существовавшихъ, какъ еврейское государство, въ теченіе трехъ столѣтій (до 1016 г.). Въ VII вѣкѣ

ихъ власть простиралась отъ Дона до Панноніи: Болгарія и другія славянскія народности были ихъ подданными, мадьяры отъ нихъ въ зависимости, Византійскіе императоры платили имъ дань; о козарскихъ жидахъ поминаетъ подъ 986 г. Несторъ. По распаденіи ихъ державы, хазары еще упоминаются на Таврическомъ полуостровѣ, а на Кавказѣ ихъ именемъ обозначали евреевъ: *Ghyssar*. Этого достаточно для отождествленія казарина-жидовина и представленія того и другаго не только богатыремъ, но и исполиномъ. Позже ихъ замѣнили татары, и также обобщились въ народнымъ преданіемъ; для объясненія совмѣстности жидовъ и татаръ въ румынскихъ повѣрьяхъ не нужно и гипотезы *Saineanu* (стр. 528), что могли имѣться въ виду татары, принявшіе еврейство (*judaisati*). Важнѣе то, что *Jidova* указываетъ своею формой на заимствованіе у славянъ, что, стало быть, самыя преданія о жидахъ-хазарахъ-исполинахъ могли быть занесены или восприняты на румынской почвѣ славянами.

XII.

Къ сербской легендѣ о Константинѣ
Великомъ.

Въ моихъ Южно-русскихъ былинахъ, вып. 2, гл. VIII, стр. 295 — 296, пересказана слѣдующая сербская легенда, изъ которой я выбираю пока лишь первую часть, въ виду новой объявившейся къ ней параллели.

Какой-то царь, охотясь, наткнулся на человѣческой черепъ и наступилъ на него конемъ. «Зачѣмъ наступаешь ты на меня?» говоритъ ему мертвая голова; — «хоть и мертвая, я могу повредить тебѣ». Какъ услышалъ это царь, сошелъ съ коня, взялъ ту голову и отвезъ домой; здѣсь онъ сжегъ ее, остатки истолокъ въ порошокъ, завернулъ въ бумагу и положилъ въ сундукъ. Когда однажды онъ отлучился, его дочь, дѣвушка на выданьѣ, взяла ключъ, отперла сундукъ и, начавъ перебирать въ немъ, нашла свертокъ. Увидавъ въ немъ порошокъ и не зная, что это такое, она помочила слюною палецъ,

опустила въ порошокъ и отвѣдала языкомъ; съ той поры она забеременѣла. Когда впослѣдствіи стали допытываться, какая тому причина, дознали, что все это — отъ мертвой головы. Пришло время, и дѣвушка родила сына. Однажды царь взялъ малютку на руки, а тотъ вцѣпился ему въ бороду. Царь пожелалъ узнать, сдѣлалъ ли онъ это сознательно, по своей волѣ, или по глупости: велѣлъ принести одинъ сосудъ съ горячими угольями, другой полный золотыхъ, и смотрѣлъ, за что ухватится ребенокъ; тотъ схватился за золотые, а на угли не обратилъ вниманія. Увидѣлъ тогда царь, что исполнится пророчество головы.

Когда мальчикъ выросъ и сталъ юношей, царь выгналъ его на бѣлый свѣтъ и говорить: «Не останавливайся нигдѣ, пока не найдешь мѣста, гдѣ два лиха схватились другъ съ другомъ». Юноша идетъ; слѣдуетъ разказъ о созданіи имъ Константинополя, гдѣ онъ самъ впослѣдствіи воцаряется, отнявъ власть у своего дѣда.

Разумѣется, очевидно, Константинъ Великій; онъ царскаго рода по матери,

рожденъ при особыхъ чудесныхъ обстоятельствахъ.

Французская легенда дѣлаетъ его хутороднымъ, типомъ преслѣдуемаго, но спасаемаго своею долей счастливца. Хутороднымъ является и чудесный мальчикъ слѣдующаго армянскаго сказанія¹⁾, интереснаго намъ потому, что въ первой своей части оно повторяетъ всѣ подробности сербскаго.

Въ столицѣ нѣкотораго царства жилъ купецъ; однажды онъ ѣхалъ по берегу рѣки, теченіемъ которой несло человѣческой черепъ, который повторялъ обыкновеннымъ человѣческимъ голосомъ: При жизни убилъ сто человѣкъ, но послѣ убью еще сто. Купецъ взялъ черепъ, дома истолокъ его въ ступъ, а порошокъ повѣсилъ въ мѣшечкѣ въ своей комнатѣ. Въ его отсутствіи его тринадцати-лѣтняя дочь, не ладившая съ своею мачихой и хотѣвшая отравиться, отвѣдала этого порошка, думая,

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, вып. VII, отд. 2, стр. 77 и слѣд.: Армянскія сказанія, «Черепъ — царь» и «Невѣста — всадникъ» (отрывокъ изъ дневника караглискаго нормальнаго училища, сообщ. К. Газаровъ).

что это ядъ, забеременѣла и родила мальчика. Бездѣтная мачиха полюбила его; отецъ, вернувшись изъ отлучки, не сталъ попрекать дочери, увидѣвъ въ этомъ руку Всевышняго. Ребенокъ же росъ не по днямъ, а по часамъ; трехъ лѣтъ отъ роду онъ казался пятнадцатилѣтнимъ; черезъ десять лѣтъ онъ сталъ высокимъ, стройнымъ, красивымъ юношей. Однажды тамошній царь, гуляя передъ дворцомъ, увидѣлъ, что изъ пруда выпрыгнула рыба и, широко раскрывъ ротъ, громко захохотала царю въ лицо, а затѣмъ скрылась. Никто изъ мудрецовъ царя не въ состояніи объяснить ему этого чуда, за что они и платятся головою. Тогда явился мудрый юноша, внукъ купца, велитъ взломать полъ въ комнатѣ, гдѣ жила единственная пятнадцати-лѣтняя дочь царя; тамъ въ нижнемъ покоѣ нашли молодыхъ людей, любовниковъ царевны. Они повѣшены, многіе по этому дѣлу казнены: такъ исполнилось пророчество черепа; юношу же царь сдѣлалъ своимъ первымъ визиремъ; умирая безъ прямого наслѣдника, онъ

передалъ ему свою власть, и тотъ сдѣлался величайшимъ изъ царей своего времени.

Сл. еще слѣдующія русское²⁾ и малорусское сказанія³⁾ .

У одного вдоваго попа дочка; однажды, возвращаясь изъ прихода, онъ видитъ: горитъ на дорогѣ человѣчья голова, вся сгорѣла, одинъ пепель остался. Попъ проѣхалъ мимо, но затѣмъ вернулся, собралъ пепель и положилъ въ горшокъ, чтобы дома похоронить его. Дочь думаетъ, что отецъ привезъ ей какой-нибудь гостинецъ, глянула въ горшокъ, а пепель оборотился ларчикомъ; взломала она ларчикъ, лизнула пепла и забеременѣла. Когда родился у нея мальчикъ, ему нарекли имя Надзей, поповъ внукъ. Онъ растетъ не по годамъ, а по часамъ, его сила и раннія богатырскія ухватки возбуждаютъ недовольство сосѣдей; на него жалуются дѣду, и онъ по неволѣ отсылаетъ внука на всѣ четыре стороны. Надзей идетъ, братается съ Горыней богатыремъ; «яны

2) *Аванасьевъ*. Нар. русск. ск., № 62.

3) *Новости*, 1889 г., 8-го марта (*Д. Мордовцевъ*: Нѣчто для гг. ученыхъ).

многа хадзили и многа богатырѣвъ побядзили. и многа гарадовъ захватсили; патомъ яны пожанились и богата жили».

Сходно разказывається въ Малороссіи о Семенѣ Паліи. Одинъ «чоловикъ» пахаль въ полѣ; вдругъ подь плугомъ что-то хрустнуло. Смотрить «чоловикъ» — мертвая голова, да такая огромная, какъ «казань». Видно это была голова великаго богатыря-лыцаря, думаетъ «чоловикъ»; возьму ее, попрошу батюшку окропить ее святой водою, прочитатъ надъ ней молитву, и тогда похороню по христіански. Вотъ онъ привезъ голову домой, положилъ на лавку, а самъ сѣлъ ужинать. Жена его, глядя на мертвую голову и говоритъ: «А много, видно, эта голова на своемъ вѣку хлѣба попоѣла». А голова вдругъ и говоритъ: «и еще много попоѣмъ». Жинка испугалась, бросила голову въ горящую печь; осталась отъ головы одна зола, которую выгребли и сложили въ горшокъ; утромъ увидала ее дочь хозяина, приняла за соль и посолила ею кусокъ хлѣба, который и сѣла. Отъ этого она забеременѣла и родила сына,

котораго назвала Семеномъ. Изъ этого Семена и вышелъ богатырь и даже «характерникъ»; отправляясь на Запорожье, онъ встрѣтилъ чорта и спалилъ его: отъ того и прозвали его Палиемъ.

Вернемся къ сербскому и армянскому сказаніямъ, какъ болѣе полнымъ. Ихъ сходство въ первой части ясно. Мудрые мальчики рождаются при тѣхъ же буквально совпадающихъ обстоятельствахъ, тамъ и здѣсь они рано проявляютъ свою мудрость; разница въ мотивахъ: въ сербской легендѣ мальчикъ различаетъ между золотомъ и горячими угольями, въ армянской узнаетъ причину, почему засмѣялась рыба (невѣрность царицы). Это — мотивъ одного разказа въ *Çukasaptati*¹⁾; когда Викрамадитья завтракалъ однажды съ своей супругой *Kāmālilā*, онъ предложилъ ей жареныхъ рыбъ. Оказалось, что это — самцы, и царица объявила, что она не только не прикоснется къ нимъ, но не въ состояніи и взглянуть на нихъ. При этихъ

¹⁾ См. *Orient et Occident*, I: *Liebrecht*, Merlin, стр. 341; *Benfey*, Nachtrag zu Merlin, *ibid.* 344 и слѣд.; Слав. сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, гл. VII, сл. стр. 311 и слѣд.

словахъ рыбы подняли такой смѣхъ, что всѣ жители города его слышали. Изумленный этимъ царь, требуетъ объясненіе чуда у своихъ мудрецовъ и совѣтниковъ, прорицателей и авгуровъ, наконецъ у своего пурогиты, которому грозитъ изгнаніемъ, если онъ не повѣдаетъ ему, что означаетъ диковинный смѣхъ. Пурогита не знаетъ, что дѣлать, но его выручаетъ изъ бѣды его мудрая дочь **Vālaranditā**: она идетъ къ царю, велитъ выпустить изъ темницы его перваго министра **Pushrahasa**, заключеннаго туда невинно, и тотъ объясняетъ, почему засмѣялись рыбы: когда онъ предсталъ предъ царя, тотъ въ шутку ударилъ жену цвѣткомъ, а она представилась, что упала отъ того въ обморокъ. Не то было ночью, говоритъ **Pushrahasa**, когда царица разыгралась съ своими любовниками, и они постегали ее. Царицу раздѣли, нашли слѣды ударовъ, а въ одномъ сундукѣ и ея любовника. Викрамадитья казнить его, а жену изгоняетъ.

Тотъ же разказъ, повторенный съ нѣкоторыми отличіями и у Сомодевы, перенесенъ былъ въ западныхъ сказаніяхъ на Мерлина: рыбы отсутствуютъ, самъ Мерлинъ смѣется загадочно, разгадка въ такихъ же откровеніяхъ, касающихся царицы. Интересно при этомъ, что какъ Мерлинъ, такъ и юноши сербскаго и армянскаго сказаній рождены безъ отца; но совпаденія этимъ не ограничиваются: я особенно имѣю въ виду сербскую сказку.

Извѣстенъ разказъ французскаго романа о Мерлинѣ, повторенный и Готфридомъ Монмутскимъ¹⁾, о томъ, какъ Вортигернъ строить неприступный замокъ, но неудачно, ибо сооруженное въ одинъ день поглощалось на слѣдующій землю. Чтобъ упрочить зданіе, нужна: кровь мальчика, рожденнаго безъ отца. Такимъ является Мерлинъ и открываетъ, почему рушилась постройка: въ ея основѣ открылось озеро, а тамъ спавшіе въ двухъ полыхъ камняхъ бѣлый и красный драконы; ихъ борьба и производила разрушеніе.

¹⁾ Слич. сходный разказъ въ *Loth, Les Mabinogion*, I, стр. 65, прим. 178 и слѣд.

Въ соотвѣтствующемъ разказѣ у Ненніа имени Мерлина нѣтъ, но сюжетъ тотъ же. Мудрецы Вортигерна также объявляютъ, что постройка не удастся, пока не найдено будетъ дитя, рожденное безъ отца, и замокъ не окропится его кровью. Мальчика приводятъ: онъ говоритъ, что подъ основаніемъ замка находится озеро, тамъ два сосуда (или створчатый сосудъ) съ шатромъ посрединѣ; въ немъ два спящихъ дракона, одинъ хочетъ вытѣснить другаго изъ шатра; сначала одолѣвалъ бѣлый, затѣмъ красный погналъ противника за озеро. Озеро — это вселенная, шатеръ — царство Вортигерна, красный драконъ — онъ самъ, бѣлый — народъ, занявшій многія страны Британніи отъ моря до моря. Красный драконъ одолѣлъ бѣлаго — это нашъ народъ прогонитъ непріятеля. Такъ объясняетъ мальчикъ, называющій себя царственнымъ Амвросіемъ, а отца своего однимъ изъ консуловъ римскаго народа. Но вѣдь онъ рожденъ безъ отца? Рожденіе могло объясняться сверхъестественнымъ путемъ, какъ въ сербскомъ и армянскомъ

сказаніяхъ. Такъ или иначе чудесный мальчикъ, Мерлинъ будущей легенды, царственнаго, римскаго (?) рода.

Имя Амвросія обращаетъ насъ къ генеалогіи британскихъ властителей у Готфрида и во французскомъ романѣ. Константинъ, братъ Аудрена, царя Бретани, является въ Британнію и провозглашенъ его властителемъ. У него три сына: Константъ, Аврелій-Амвросій и Утеръ-Пендрагонъ. По смерти Константина Вортигернъ, одинъ изъ главныхъ его совѣтниковъ, извлекаетъ изъ монастыря его сына Константа, провозглашаетъ его царемъ, править его именемъ и, устранивъ его убійствомъ, воцаряется самъ. Братьевъ Константа ихъ воспитатели переправили въ Бретань, чтобы избѣжать преслѣдованія Вортигерна, который, отдавшись саксамъ, сталъ непопулярнымъ и удалился въ Камбрій. Здѣсь онъ и принялся строить, по совету своихъ маговъ, неприступный замокъ, гдѣ бы онъ могъ быть безопасенъ отъ враговъ. Замокъ не строится, необходима помощь Мерлина — царственнаго Амвросія

Ненія, — который велитъ Вортигерну беречься пламени сыновей Константина: они уже на пути, прогоняютъ саксовъ, тебя осадятъ въ башнѣ, которую обложатъ огнемъ, а Аврелій-Амвросій воцарится на твоёмъ мѣстѣ.

Вортигернъ узурпаторъ, Аврелій-Амвросій, сынъ Константина, изъ стараго царственнаго рода, отнимаетъ у него власть, какъ въ сербской легендѣ Константинъ — у своего дѣда. Онъ также царственнаго рода, хотя рождень безъ отца, какъ царственный Амвросій въ легендѣ у Ненія. Еслибы мы рѣшились отождествить этого Амвросія-(Мерлина) съ Аврелиемъ-Амвросіемъ, сыномъ Константина, аналогія положеній представилась бы интересная, усиленная еще сходствомъ эпизодовъ о постройкѣ замка и созданіи Константинополя. Замокъ не строится у Вортигерна, одинъ Амвросій-(Мерлинъ) знаетъ почему: вражда бѣлаго и краснаго драконовъ, очевидно, выражаетъ распрю двухъ народностей и двухъ династій. Сербская легенда досказываетъ: царь

выгнать юношу-Константина и не велѣлъ останавливаться, пока онъ не найдетъ мѣста, гдѣ два зла схватились другъ съ другомъ. Онъ видитъ тернь, вокругъ котораго обвилась змѣя, змѣя кусаетъ тернь, а тернь ее колетъ. Вотъ тѣ два зла, думаетъ онъ; идетъ, а за нимъ потянулась стѣна. Здѣсь и сталъ Константинополь.

Змѣя и тернь только другое выраженіе двухъ борющихся драконовъ; образъ объяснимъ лишь въ связи съ представленіемъ о Константинѣ, безродномъ и вмѣстѣ царственнымъ, чудесно-зачатомъ отрокомъ, устранившемъ стараго, преслѣдовавшаго его династа.

Я ограничусь пока сопоставленіемъ и указаніемъ аналогій; не лишено во всякомъ случаѣ значенія то обстоятельство, что Аврелій-Амвросій сынъ Константина, братъ Константа. Совпаденіе именъ не случайное: въ этомъ направленіи могло произойти и совпаденіе легендъ.

Александръ Веселовскій.